

Пора, пора! Рога трубят,
Псаря в охотничьих уборах
Чем свет уж на конях сидят,
Борзые прыгают на сворах...
Изящная вязь пушкинских
строф. Сергей Юрский читает
«Графа Нулина» — идет
первое отделение вечера поэзии.

Пересказать, как читает Юрский, невозможно. Самая качественная запись голоса артиста не дает и половины того впечатления, которое получаешь, побывав на концерте. Юрского пужно видеть. Видеть, как несколькими жестами, точно найденной позой, осанкой, мимикой он рисует знакомые с детства пушкинские образы — то надменного графа, то восторженную Наталью Павловну, то самого автора — тонкого, ироничного Пушкина. И зал узнает, зал смеется, зал аплодирует.

Кто возьмется определить грань, за которой зритель теряет ощущение условности происходящего и начинает верить тому, что видит на сцене, верить и сопереживать? Многие артисты приближаются к этой грани вплотную, но немногим дано ее переступить, Юрскому дано.

Строгий костюм, галстук-бабочка, никакого грима. Весь реквизит — несколько стульев на сцене.

— Сергей Юрьевич, Вы, артист и режиссер театра, уже пятнадцать лет выступаете с

● Гости Магадана

И МАСТЕРСТВО, И ВДОХНОВЕНИЕ...

концертными программами. Что дает это Вашей театральной работе?

— Прежде всего ценнейший опыт работы «без подпорок» — то есть без декораций, без партнеров, без уходов за кулисы, когда можно передохнуть. Два часа один на один с публикой. Такой опыт необходим.

Выступая в концертных программах, я научился видеть себя со стороны, что очень помогает в моей режиссерской работе.

— Мы больше знакомы с Вами по кино и телестановкам, по рецензиям в центральной прессе — ведь на гастролях в нашем городе Вы впервые.

— В Магадане действительно впервые, но не впервые на Дальнем Востоке. Два года назад у меня была очень длительная и интересная поездка по стране, которая закончилась Камчаткой. Сказать, что мне понравилось на Дальнем Востоке, — сказать мало. Он меня заинтересовал. Поэтому, когда зашла речь о второй поездке на Восток и Магаданская филармония пригласила

меня остановиться в вашем городе, я согласился без раздумий. Мне было интересно.

Я дал несколько концертов в поселке Билибино, в том числе на атомной станции. Она поразила меня своей отлаженной технической жизнью и естественностью пребывания там людей. Я встретил на «атомке» ленинградцев. Это те же и уже другие люди. Они любят и помнят Ленинград, но уже стали билибинцами. Но чем привораживает Север, как оседают здесь люди, что держит их в этом суровом краю — так и осталось для меня загадкой. Слишком коротки гастроли...

Вечер советской прозы «Ситуации и характеры» начинается с Булгакова. Ситуация первая — посещение магом Воландом и его свитой «схорошей» квартиры номер 50». Необычная, почти фантастическая проза «Мастера и Маргариты», перенесенная на подмостки, становится зримой и достоверной. Мы никогда не видели, как сидел в кресле и разглагодействовал развязный Бегемот, но когда Юрский показывает нам это, верим без-

оговорочно, что так оно и было. Мы никогда не слышали скрипящего, леденящего голоса Воланда, но когда он произносит будто по слогам первую свою фразу «Добрый день, симпатичнейший Степан Богданович», — мурашки пробегают по коже — мы верим, что именно так он и говорил: настолько все живо, приближенно к слушателям.

Зал смеется, но смеется не просто над ситуациями из Булгакова, Зоценко, Жванецкого, — Юрский предлагает нам мини-исследование: как ситуация владеет человеком, и как человек владеет ситуацией. Он не смешит публику специально, он просто исследует ситуации и не виноват, что результат исследований порой оказывается смешным.

Второе отделение — Шукшин, характеры. Читая шукшинскую прозу, такую, казалось бы, бытовую, такую народную, очень легко сбиться именно на бытовизм стиля, речи. Но Юрский не поддается соблазну ухватиться за это внешне выгрышное, но поверхностное. Он раскрывает в писателе главное и самое

рлимое — его сердце. И коротенький рассказ «Обида» о том, как пытается найти справедливость незаслуженно оскорбленный незнакомцем парень Сашка, звучит как откровение, как невысказанная, затаенная боль самого Шукшина. Так это прочитано, раскрыто, сыграно.

У Юрского невозможно отделить игровое начало от чтецкого — настолько они едины. И это единство рождает неповторимый, прекрасный, захватывающий театр — театр Юрского.

— Ваши программы составлены из произведений очень разных авторов, но после концерта остается впечатление единого художественного целого. Это результат Вашего режиссерского расчета или актерского умения настроить зрителя на каждый следующий номер?

— И то и другое. Несомненно приходится учитывать состав аудитории и... начинать немножко не с того, чего от тебя ждут. Очень показателен в этом отношении концерт на одном из билибинских приисков. Люди собрались в крас-

ном уголке днем, сразу же после работы, совсем не готовясь к концерту. В такой ситуации очень важен вопрос, какую программу предложить. Есть, казалось бы, беспронгрышный вариант — что смешнее, поближе к жизни. Но я попробовал наоборот — начал с поэзии. Прочел Бернса, потом перешел к прозе — Мопассан, Булгаков, и уже в конце — Шукшин. Казалось бы, странная последовательность, но эти авторы исподволь подготавливают друг к другу, и возникает именно это ощущение целостности.

— И последний вопрос, Сергей Юрьевич: о Ваших новых работах в театре и кино. К сожалению, магаданцам приходится Вас видеть чаще всего только на экране.

— В театре Моссовета, где я работаю уже второй год, совсем скоро, тридцатого сентября состоится премьера пьесы Островского «Правда хорошо, а счастье лучше» — моя режиссерская и актерская работа. О неоконченных работах говорить пока не стоит.

Закончились короткие гастроли Сергея Юрского. Всего шесть концертов дал он в Магадане, но они стали настоящим событием в культурной жизни города. Состоялось очное знакомство с артистом. И хочется надеяться, что оно будет продолжено.

О. КОХАН.

224